
МУНИЦИПАЛИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

О. В. Кузнецова

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 09.08.2023 г.
Принята к публикации 11.10.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8
© Кузнецова О. В., 2023

В статье анализируется дифференциация муниципальных образований (на уровне муниципальных районов и округов, городских округов) Калининградской и Ленинградской областей по степени экономического развития и реакции их экономики на кризисы 2020 и 2022 гг. Особое внимание уделяется возможностям проведения таких оценок на основе дополнения статистики Росстата общедоступными данными бухгалтерской и налоговой (Федеральной налоговой службы) отчетности. Приводятся оценки роли малого предпринимательства в экономике муниципальных образований — занятости, доходах населения и бизнеса. Показывается, что за десятилетний период (2012—2021) в Калининградской области дифференциация муниципалитетов по уровню налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей сократилась, тогда как в Ленинградской области оставалась неизменной, но при разнонаправленной динамике доходов по отдельным муниципалитетам. Иллюстрируется значимость специализации муниципалитетов как фактора изменения выручки их компаний, особенно в 2022 г. Показывается, что роль малого бизнеса в официальных доходах населения повсеместно заметно ниже его роли в занятости населения, при этом нет однозначных закономерностей в дифференциации муниципалитетов по роли малого бизнеса в зависимости от уровня их экономического развития, соотношения городского и сельского населения. В частности, пониженная роль малого бизнеса может быть характерна как для регионов с высоким уровнем доходов населения и с большим количеством рабочих мест в крупных организациях, так и для проблемных периферийных территорий, где недостаточен спрос на производимые малым бизнесом товары и услуги.

Ключевые слова:

муниципальные образования, Калининградская область, Ленинградская область, статистика Росстата, бухгалтерская отчетность, налоговая отчетность, государственная политика

Постановка проблемы

Традиционно в России вопросы дифференциации территорий по уровню и динамике их экономического развития рассматриваются в разрезе регионов (субъектов РФ) и макрорегионов (обычно федеральных округов). Различия на уровне более

Для цитирования: Кузнецова О. В. Современная экономика Российской Балтики в муниципальном разрезе // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 142–164. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8

дробных территориальных единиц, конечно, тоже становятся предметом исследований, но такие работы встречаются гораздо реже, часто концентрируются на демографической проблематике или на развитии отдельных типов территориальных образований — агломераций, моногородов, сельской местности.

Причины подобного рода ситуации вполне понятны: это не только трудоемкость работы с муниципальными образованиями (или муниципалитетами)¹, но и, даже в большей степени, хорошо известный исследователям огромный разрыв в уровне обеспеченности статданными между региональным и муниципальным уровнем. Вместе с тем этот разрыв, особенно если к статистике Росстата привлекать информацию из других источников (включая иные органы государственной власти), постепенно сокращается. Возрастает и значимость муниципальной проблематики, в том числе в рамках федеральной политики пространственного развития [1].

Данная статья преследует две взаимосвязанные цели. Первая — показать, насколько значимы различия в экономическом развитии Российской Балтики в муниципальном разрезе (в уровне экономического развития муниципалитетов, реакции их экономики на кризисы последних лет), что позволит получить более объективную картину ситуации в этом макрорегионе. Вторая — показать возможности проведения такого рода оценок, исходя из привлечения к анализу максимально широкого круга доступных (открытых) статистических данных. Мы используем именно общедоступные данные, чтобы предложить «повторяемые» методические подходы к анализу — те, которые могут использоваться любыми исследователями применительно ко всем субъектам Федерации.

Объектами анализа в данной статье выступают являющиеся непосредственно прибалтийскими Калининградская и Ленинградская области, точнее, входящие в их состав муниципальные районы (МР), муниципальные округа (МО) и городские округа (ГО). Санкт-Петербург исключен из рассмотрения в силу как специфики муниципалитетов в городе федерального значения, так и единства городского хозяйства, которым как раз и объяснялась особая модель местного самоуправления в городах федерального значения. Основной рассматриваемый в статье период — 2018—2022 гг., что обусловлено как доступностью статистических данных, так и логикой исследования. Такой временной ряд небольшой, однако позволяет оценить различия между муниципалитетами по реакции их экономики на пандемию COVID-19 и резкое изменение геополитической и геоэкономической ситуации 2022 г.

Конечно, анализируемые нами муниципалитеты тоже внутренне неоднородны, особенно если в их состав одновременно включены города и сельская местность, разные по своим размерам населенные пункты. Однако приходится все-таки исходить из того, что экономическая статистика публикуется именно по муниципальным образованиям, причем в основном только по муниципальным районам/округам и городским округам. При этом в Калининградской области поселенческий уровень местного самоуправления в последние годы в любом случае полностью отсутствует, статданных по поселениям нет с 2018 г. Поэтому работа именно с муниципальной статистикой является единственной возможностью проводить исследования на микроуровне, опираясь на официальные статданные, а различия между муниципалитетами в их размерах, системе расселения необходимо учитывать при анализе получаемых результатов — так, как это делается в экономически развитых странах, где существуют разработанные типологии территорий для мониторинга пространственного развития [2].

¹ В России в целом только городских округов и муниципальных районов/округов насчитывается более 2,3 тыс. (на 1 января 2023 г. — 2329, здесь и далее, если не указано иное, — по данным Росстата), не говоря уже о низовом уровне местного самоуправления — поселениях.

Обзор литературы

Теоретическая основа данной статьи в широком контексте весьма обширна — это весь пласт научного знания о закономерностях пространственного развития, прежде всего по центр-периферийным отношениям, градиентам по линии «город — сельская местность», агломерационным процессам, талассоаттрактивности (особо значимой для рассматриваемых регионов), совокупности факторов социально-экономического развития территорий. В этом же ряду, учитывая кризисный характер последних лет, нужно назвать исследования по региональной шокоустойчивости — устойчивости территорий к разного рода шокам (обзор литературы по этой теме приводился в [3]).

В наибольшей степени приближенными к теме статьи являются исследования, связанные непосредственно с развитием Калининградской и Ленинградской областей (из современных наиболее масштабных работ можно назвать [4; 5]) и особенно с анализом социально-экономического развития их муниципальных образований. Таких работ немало, особенно по Калининградской области. С Ленинградской областью ситуация сложнее, поскольку анализ пространственной структуры экономики всего региона, дифференциации всей совокупности его муниципалитетов оказывается «в тени» более «острой» темы — развития Санкт-Петербургской агломерации, которая включает в себя только часть территории Ленобласти. Речь идет об оценке масштабов маятниковой миграции в пределах агломерации [6], разных аспектах дифференциации пригородной зоны Санкт-Петербурга [7; 8], внутренней структуре агломерации в целом [9; 10], сотрудничестве двух регионов [11]. Наиболее масштабной работой является посвященная Санкт-Петербургской агломерации монография [12]. В этой работе в границы рассматриваемой агломерации включены помимо непосредственно Санкт-Петербурга и его городов-спутников и пригородов Сосновоборский ГО, полностью (с некоторыми условностями) Всеволожский, Гатчинский и Тосненский МР, без двух в каждом случае поселений Ломоносовский и Кировский МР, три поселения Выборгского и одно поселение Приозерского МР. Учитывая, что авторы оценили численность населения Санкт-Петербургской агломерации в 6,5 млн чел., в Санкт-Петербурге как субъекте Федерации проживает 5,6 млн чел., а общая численность населения Ленинградской области — более 1,9 млн чел., несложно подсчитать, что в агломерационную зону попадает меньше половины жителей Ленобласти и хотя бы частично только 7 муниципальных районов из 17.

Важно также отметить, что Калининградскую и Ленинградскую области отличают разные подходы к организации территориальных основ местного самоуправления (МСУ). В Калининградской области с самого начала становления современной системы МСУ¹ постарались минимизировать роль поселенческого уровня МСУ, сформировав на территории региона всего 3 муниципальных района и 19 городских округов. Правда, в 2009 г. их стало 15 и 7 соответственно, но к 2017 г. вернулись к первоначальной схеме, а к 2019 г. и сохранявшиеся три района были преобразованы в городские округа; к 2022 г., в соответствии с новыми требованиями федерального законодательства (внесенными в 2019 г. поправками в закон о МСУ), статус городских округов сохранился только у 10 муниципальных

¹ В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

образований, оставшиеся 12 стали муниципальными округами¹. Как результат, возможности проведения исследований по Калининградской области, особенно в последние годы, ограничены официальной статистикой по «верхнему» уровню муниципалитетов, и таких исследований довольно много. В Ленинградской области есть только 1 городской округ и 17 муниципальных районов, следовательно, существует статистика по поселениям, что дает возможность исследователям проводить более крупномасштабные исследования (есть примеры работ именно по поселениям Ленинградской области [13; 14]), хотя с поселениями возникают и некоторые сложности (см. ниже).

Тематика работ по муниципалитетам тоже в немалой степени зависит от наличия необходимых статистических данных, которое определяется как относительной простотой их сбора, так и актуальностью вопросов развития тех или иных секторов экономики. На сегодняшний день наиболее детально демографическая статистика (причем численность населения — это единственный показатель, который есть по городам и поселкам, независимо от системы муниципального устройства), и немало работ посвящено системам расселения двух областей, геодемографическим особенностям муниципальных образований [7; 15–20]. В силу повышенного интереса со стороны государства к обеспечению продовольственной безопасности, относительно подробная статистика есть по сельскому хозяйству. Фактически это единственный сегмент экономики муниципалитетов, по которому существуют данные Росстата по полному кругу предприятий (а не только крупным и средним), по индексам производства, а также по целому ряду неденежных показателей (посевным площадям, урожайности, поголовью и т. п.). Фундаментальная работа опубликована по сельскому хозяйству и сельской местности в Калининградской области [21], пространственные особенности развития сельского хозяйства Ленинградской области рассматриваются в [5; 22]. Еще одним сектором экономики, которому в последнее время уделяется повышенное внимание, является туризм, особенности его развития рассматривались и в разрезе муниципалитетов [23].

Особое географическое положение двух областей — приморское на Балтике — предопределило появление целого ряда работ, связанных с оценкой роли этого фактора в социально-экономическом развитии муниципалитетов, включая возможности развития трансграничных связей [13; 24–27]; рассматривалась и свойственная приморским территориям специализация на судостроении [28].

В Калининградской области дифференциация между приморскими и «глубинными», центральными и периферийными муниципалитетами выражена довольно ярко: в [29] представлена типология муниципалитетов с выделением ближних и дальних пригородов, периферии; в [30] показаны различия между территориями по уровню жизни населения. Поэтому отдельным вопросом для Калининградской области является развитие юго-восточных ее муниципалитетов [31; 32]. В Ленинградской области размещение промышленности имеет более сложную картину (меньше связанную с приморским положением), зато заметнее проблема моногородов [33].

¹ При этом границы муниципальных образований значимым образом не пересматривались, речь идет лишь об изменении статуса муниципалитетов, поэтому по Калининградской области можно рассматривать те же временные ряды данных, что и по Ленинградской. Названия муниципальных образований Калининградской области приводятся в современном их виде. В Ленинградской области территориальные основы местного самоуправления на уровне муниципальных районов не пересматривались.

Среди работ по Калининградской области можно также отметить значимые в контексте современных реалий (в связи с пандемией COVID-19) исследования, связанные с цифровизацией — различиями между муниципалитетами в данной сфере, их причинами и последствиями [34; 35].

Новизна этой статьи — в привлечении к анализу более широкого круга экономических показателей по сравнению с ранее использовавшимися и в особом акценте на изменении экономического положения муниципалитетов в условиях двух последних кризисов. Оценки влияния на отдельные территории и пандемии COVID-19 и событий 2022 г. уже проводились, но в региональном разрезе [36; 37], что важно для понимания общей ситуации в регионах Северо-Запада России. Важная их особенность — повышенная зависимость от внешнеэкономических связей [38], особенно с недружественными в настоящее время России европейскими странами. Поэтому в целом ситуация в 2022 г. на Северо-Западе была довольно сложной.

Материалы и методы

Возможности диагностики экономического развития муниципальных образований заслуживают особого внимания, в первую очередь в силу отсутствия в официальной статистике показателя валового муниципального продукта (ВМП). Соответственно, у исследователей не оказывается какого-то общего измерителя масштабов экономики муниципалитетов (как в случае с валовым региональным продуктом для субъектов РФ). Попытки предложить методические подходы к расчету ВМП уже неоднократно предпринимались — примеры таких работ приводились в [1; 39]. В работе [39] предлагается своя методика расчета валовой добавленной стоимости. Все существующие подходы к расчету ВМП опираются на те или иные допущения (не всегда корректные); более точные оценки (как в [39]) основываются при этом на масштабном сборе первичной информации по предприятиям и организациям и в конечном итоге не проверяемы и не повторяемы. Поэтому мы будем рассматривать просто совокупность существующих статистических показателей, поскольку в любом случае одного только показателя валового продукта для получения полноценной характеристики экономики территорий все равно недостаточно.

В нашем исследовании нам интересны данные по структуре экономики муниципальных образований, ее трансформации в последние годы, а также по изменению вклада муниципалитетов в общегосударственные по субъектам Федерации показатели — на этой основе можно сравнить экономическую динамику по разным территориям. Для оценки уровня развития экономики мы приводим один из показателей на душу населения, но от широкого использования душевых показателей приходится отказываться. Причины для двух регионов разные. В Калининградской области есть очевидная проблема с пересмотром данных по численности населения муниципалитетов в результате прошедшей в 2021 г. переписи населения России. Так, недооценен был рост численности населения в пригородном к Калининграду Гурьевском МО — здесь по статистике на 1 января 2022 г. число жителей составило 146,6 % по сравнению с 1 января 2021 г. Противоположная ситуация сложилась в Балтийском ГО: аналогичный показатель — 77,4 %. Это наиболее масштабные, но не единственные примеры. В Ленинградской области заметных отклонений данных текущего учета населения и результатов переписи не прослеживается, но уровень развития муниципалитетов по душевым показателям (особенно по налогу на доходы физических лиц, учитываемому по месту работы, а не жительства граждан) сильно зависит от масштабов маятниковой миграции в Санкт-Петербург, а различия эти весьма существенны [6]. Точных данных по числу маятниковых мигрантов

нет, на середину 2010-х гг. оценки варьировались в пределах 21—47 % экономически активного населения области [6], в 2020 г. приводилась оценка в 18,3 % трудоспособного населения региона¹.

В статистических данных Росстата основой для анализа ситуации в муниципалитетах служит база данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО). В этой базе есть статистика по объемам отгрузки в промышленности, обороту розничной торговли, занятости и фонду оплаты труда по разделам ОКВЭД. Основной недостаток этих данных — отсутствие учета субъектов малого предпринимательства, а поскольку роль малого бизнеса очевидно отличается и по отраслям, и по муниципалитетам, то составить полное и реальное представление о масштабе и структуре экономики территорий оказывается невозможным. Видимо, понимая эту проблему, Росстат дополнил БД ПМО новым разделом — «Бухгалтерская отчетность», где стали публиковаться данные по количеству хозяйствующих субъектов и выручке (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей). По первому показателю, который отражает общее число юридических лиц (то есть как крупные и средние компании, так и малые), данные есть за 2019—2021 гг., по выручке — только за 2021 г. Вместе с тем данные по выручке компаний (юрлиц) на основе бухгалтерской отчетности уже на протяжении ряда лет собираются частными информационными агентствами, к примеру, на момент подготовки данной статьи в разрезе муниципалитетов («верхнего» их уровня) в системе «СПАРК-Интерфакс» в открытом доступе были представлены данные по отраслям и муниципалитетам за 2018—2022 гг. В экономических или экономико-географических исследованиях уже накоплен определенный опыт использования данных по выручке компаний (например, [12]).

Данные по выручке компаний, повторим, учитывают деятельность юридических лиц независимо от их размера (и в этом их важное преимущество перед привычным набором данных БД ПМО), но не включают в себя информацию об индивидуальных предпринимателях (ИП) и не отражают деятельность организаций за счет бюджетных средств (средств бюджетной системы РФ). То есть включение в анализ данных по выручке дает возможность составить более полное (по сравнению с информацией БД ПМО), но не исчерпывающее (в силу отсутствия учета ИП) представление о структуре коммерческого сектора муниципалитетов, но не позволяет оценить соотношение бюджетного и небюджетного секторов экономики. Строго говоря, эта задача для муниципалитетов вообще не решается, даже на уровне регионов — только с очень большой долей условности (часть разделов ОКВЭД, таких как здравоохранение, образование и т. п., традиционно принято считать преимущественно бюджетными, другую часть — коммерческими, но это разделение очень условно). Кроме того, данные бухгалтерской отчетности вообще никак не отражают занятость населения.

С точки зрения анализа межтерриториальных различий погрешности в данных по выручке компаний связаны с тем, что в этой статистике данные по филиалам юридических лиц учитываются, судя по всему, по месту регистрации компаний. В рассматриваемых нами регионах это со всей очевидностью проявляется в случае Сосновоборского ГО Ленобласти. Хорошо известно, что основным предприятием

¹ Туда, сюда, обратно: Ленобласть стала лидером маятниковой миграции в стране, 24.09.2020, Деловой Петербург, URL: https://www.dp.ru/a/2020/09/23/Tuda_sjuda_obratno (дата обращения: 18.07.2023).

этого муниципалитета является Ленинградская АЭС, но поскольку это филиал АО «Концерн Росэнергоатом»¹, в выручке муниципалитета деятельность АЭС никак не отражается.

На наш взгляд, в исследованиях по муниципальной проблематике незаслуженно мало внимания уделяется статистике Федеральной налоговой службы (ФНС), хотя примеры использования таких данных есть [8; 12; 40]. Речь идет об отчетах о налоговой базе и структуре начислений по налогам и сборам, сформированным по субъектам РФ, в рамках которых приводятся данные и в разрезе муниципальных образований. Для оценки экономики муниципалитетов в этих отчетах могут использоваться данные:

— по количеству физических лиц, получивших доходы, и суммам доходов физических лиц (с выделением ИП) с разбивкой по видам или кодам доходов (в отчетности по налогу на доходы физических лиц — НДФЛ);

— по количеству налогоплательщиков по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения («упрощенке»), и по полученным этими налогоплательщиками доходам, причем с разделением на организации и ИП. Причем в отчетности по «упрощенке», в отличие от реестра ИП, указывается, какое число ИП подали ненулевую декларацию, то есть можно оценить реальное число действующих ИП;

— аналогично, по количеству и доходам плательщиков единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) с разделением на организации и ИП;

— по количеству ИП, применяющих патентную систему налогообложения («патент»), и размеру потенциально возможного к получению ИП годового дохода.

Таким образом, в конечном итоге, пусть и с некоторыми погрешностями², можно получить сведения:

— о полном числе занятых в экономике муниципалитетов — путем суммирования количества физических лиц, получивших доходы по коду 2000 (вознаграждение, получаемое налогоплательщиком за выполнение трудовых или иных обязанностей, и выплаты военнослужащим и приравненным к ним категориям физических лиц), а также всех ИП (платящих НДФЛ или пользующихся специальными налоговыми режимами — «упрощенкой», ЕСХН или «патентом»). Путем сопоставления полученных величин с данными Росстата по занятости на крупных и средних предприятиях можно оценить роль малого бизнеса в экономике муниципалитетов;

— о доходах ИП, которые не учитываются в данных по выручке компаний (по «упрощенке» и ЕСХН — это фактические доходы, по «патенту» — только потенциальные, это еще одна погрешность расчетов);

— об объеме подлежащих обложению НДФЛ доходов граждан, включая ИП, при этом можно разделить доходы, связанные с работой по найму, и доходы от дивидендов, операций с ценными бумагами и т.п. Общим фондом оплаты труда мы считали по Калининградской области сумму доходов по кодам, имеющим отношение к заработной плате из формы № 5-НДФЛ; по Ленинградской области — сумму доходов, начисленных по трудовым или гражданско-правовым договорам из формы № 7-НДФЛ (выбор определялся доступностью данных ФНС — единых подходов в данном случае нет). Эта сумма занижена на величину доходов использующих спецрежимы ИП, остающихся в их личном распоряжении.

¹ По данным: Инвестиционный портал Ленинградской области, URL: <https://lenoblinvest.ru> (дата обращения: 19.07.2023).

² Эти погрешности связаны в основном с тем, что одни и те же физлица могут одновременно работать в разных муниципалитетах, соответственно, учитываются не по одному разу. Но с точки зрения соотношения рабочих мест по муниципалитетам это не искажает картины.

К сожалению, данные налоговой отчетности не позволяют оценить отраслевую структуру экономики муниципалитетов, поскольку отчеты о поступлении налогов и сборов по видам экономической деятельности публикуются с данными только в целом по субъектам РФ. Проблемой работы с налоговой отчетностью является ее отсутствие в сводном виде — данные по каждому муниципалитету по каждому налогу представлены в отдельных файлах. В случае Ленинградской области сложность работы заключается еще и в том, что не всегда информация сведена по муниципальным районам (надо суммировать данные по поселениям), поэтому приводимый ниже анализ полнее по Калининградской области.

Важно также сказать о том, что Росстат стал публиковать по муниципалитетам (тоже только «верхнего» уровня) данные по налогооблагаемым денежным доходам населения (причем в удобном сведенном виде); на сегодняшний день они есть с самого начала 2010-х гг. В основе этого показателя — та же налоговая база при исчислении налога на доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей, но несколько расширенная, например учитываются проценты по депозитам, деньги, полученные по переводам. На сегодняшний день это, пожалуй, самая адекватная характеристика уровня экономического развития муниципальных образований (в частности, по оплате труда деятельность Ленинградской АЭС в показателях Сосноборского ГО отражается). Проблема этого показателя заключается в том, что он не является оперативным и публикуется примерно с тем же лагом, что и показатель ВРП по субъектам РФ (например, данные за 2021 г. были опубликованы только в самом конце марта 2023 г.). Это вполне понятно, поскольку по тому же НДФЛ окончательные данные появляются только после предоставления всех налоговых вычетов, которые идут уже после завершения бюджетного года.

Таким образом, для анализа уровня и долговременных тенденций в развитии муниципалитетов можно использовать данные по налогооблагаемым денежным доходам населения Росстата (как наиболее полный показатель именно доходов), оперативные данные доступны по занятости, выручке, доходам физических лиц и ИП. При этом у данных по выручке и оплате труда граждан есть свои особенности. Данные по фонду оплаты труда, как представляется, хорошо показывают положительные сдвиги в экономике (речь прежде всего о коммерческом секторе), поскольку значимый рост заработной платы вряд ли возможен без реального роста производства товаров и услуг. Но этот показатель меньше отражает кризисные явления, поскольку, как хорошо известно, все последние кризисы руководство компаний старается сохранять и занятость, и зарплаты (и потому, что потом будет сложно найти хорошие кадры, и в силу определенной поддержки сохранения занятости со стороны органов власти). Изменение численности занятых в муниципалитетах, особенно в соотношении с изменениями фонда оплаты труда и заработной платы, хорошо показывает переток кадров между муниципалитетами. Выручка компаний, скорее всего, лучше отражает экономическую ситуацию в муниципалитетах, но она определяется не только реальными изменениями в масштабах производства товаров и услуг, но и конъюнктурными колебаниями. Поэтому лучше использовать совокупность доступных показателей.

Результаты и их обсуждение

Итак, для базовой оценки муниципалитетов областей по уровню их экономического развития используем публикуемый Росстатом показатель налогооблагаемых денежных доходов физлиц и ИП (таблицы 1 и 2, в которые для общей характеристики территорий добавлены данные по численности их населения). Между собой области различаются довольно заметно, в то числе в силу того, что фактический

экономический центр Ленинградской области — Санкт-Петербург — является отдельным субъектом РФ; кроме того, в состав Санкт-Петербурга входит административный центр Ломоносовского района.

Таблица 1

**Население и налогооблагаемые денежные доходы физических лиц
и индивидуальных предпринимателей в Калининградской области**

Муниципальное образование	Население			Налогооблагаемые денежные доходы					
	Тыс. чел.	Доля, %	Городское, %	Доля в области, %				% от среднего	
				2012	2019	2020	2021	2012	2021
	На 01.01.2023								
Калининград	489,7	47,44	100,0	78,67	68,49	69,68	68,97	171,0	142,4
Багратионовский МО	32,9	3,19	19,4	0,93	1,24	1,25	1,26	26,1	39,2
Балтийский ГО	29,1	2,82	97,9	2,58	2,05	1,91	1,99	67,9	54,3
Гвардейский МО	29,3	2,83	47,7	1,09	1,37	1,24	1,34	34,7	47,3
Гурьевский МО	107,4	10,40	25,8	2,96	6,73	6,70	6,37	51,6	89,6
Гусевский ГО	37,5	3,64	76,8	1,39	1,59	1,54	1,60	35,3	44,4
Зеленоградский МО	39,2	3,80	43,7	1,38	2,50	2,59	2,51	40,4	63,7
Краснознаменский МО	11,0	1,07	30,6	0,25	0,29	0,28	0,31	18,9	28,1
Ладушкинский ГО	3,7	0,36	97,7	0,18	0,10	0,11	0,11	44,2	29,0
Мамоновский ГО	8,5	0,82	97,5	0,26	0,30	0,26	0,32	30,0	39,1
Неманский МО	15,4	1,50	59,7	0,69	0,63	0,64	0,71	32,9	39,9
Нестеровский МО	11,8	1,14	28,3	0,48	0,48	0,46	0,50	28,4	34,6
Озерский МО	12,7	1,23	34,1	0,26	0,42	0,39	0,43	16,2	34,1
Пионерский ГО	12,9	1,25	100,0	0,49	0,81	0,78	0,81	40,0	65,4
Полесский МО	17,1	1,66	40,6	0,45	0,97	0,78	0,92	22,3	52,0
Правдинский МО	18,2	1,76	21,6	0,45	0,69	0,70	0,74	22,3	41,2
Светловский ГО	27,6	2,67	76,3	1,94	3,05	2,92	2,85	65,4	102,4
Светлогорский ГО	20,7	2,01	80,8	1,05	2,20	1,82	2,18	66,0	105,6
Славский МО	15,8	1,53	25,5	0,45	0,55	0,54	0,59	20,7	32,4
Советский ГО	38,6	3,74	100,0	1,89	2,21	2,12	2,19	43,0	58,1
Черняховский МО	45,9	4,44	77,8	1,92	2,91	2,90	2,89	36,3	64,2
Янтарный ГО	7,2	0,70	90,8	0,22	0,44	0,40	0,40	32,9	62,5
<i>Всего</i>	<i>1032,3</i>	<i>100,0</i>	<i>76,6</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Источник: данные БД ПМО Росстата и расчеты автора на их основе.

В Калининградской области вполне ожидаемо лидирующее место в экономике региона занимает его административный центр — Калининград — как по доле в общем объеме доходов, так и по доходам на душу населения. Вместе с тем долгосрочный (с 2012 г.) тренд по рассматриваемому показателю — сокращение межмуниципальных различий. За прошедшие годы заметно выросла роль в экономике области Гурьевского МР — пригородного по отношению к Калининграду и занимающего с 2010 г. первое место в области по объемам жилищного строительства, в 2015—2016 гг. с долей более 50 % в общеобластных его объемах; с начала 2012 г. и до конца 2022 г. численность населения Гурьевского МР выросла почти в 2 раза (при росте населения области на 9 %)¹. Выше среднеобластного уровня доходы стали в Светлогорском и Светловском ГО. Первый широко известен как курорт на Балтике, второй — место размещения крупнейшей по выручке компании области — агропромышленного комплекса «Содружество». Увеличили за 10 лет свое отставание от средних по области показателей только два муниципалитета — Балтийский ГО и самый небольшой по численности населения Ладушкинский ГО. «Ковидный» 2020 г. привнес некоторые изменения в различия между муниципалитетами по

¹ Ситуации с обеспеченностью жильем по муниципалитетам Калининградской области отдельное внимание уделялось в [41].

их вкладу в общеобластной показатель, но их масштабы примерно соответствуют ежегодным колебаниям, поэтому не всегда могут быть однозначно объяснены спецификой именно «ковидного» кризиса. При этом падение абсолютных объемов налогооблагаемых денежных доходов было только в 2020 г. в Светлогорском ГО (в силу очевидных проблем с притоком отдыхающих) и специализирующемся на АПК Полесском МО — на 2 и 4 % соответственно.

Таблица 2

**Население и налогооблагаемые денежные доходы физических лиц
и индивидуальных предпринимателей в Ленинградской области**

Муниципальное образование	Население			Налогооблагаемые денежные доходы					
	Тыс. чел.	Доля, %	Городское, %	Доля в области, %				% от среднего	
				2012	2019	2020	2021	2012	2021
	На 01.01.2023								
Бокситогорский МР	51,0	2,52	77,0	2,44	2,40	2,33	2,08	77,7	80,1
Волосовский МР	50,2	2,48	23,2	1,80	1,47	1,45	2,98	60,0	106,1
Волховский МР	79,4	3,92	72,5	4,60	3,82	3,56	3,50	81,2	74,3
Всеволожский МР	554,3	27,39	71,0	18,77	24,71	27,54	27,42	116,2	102,7
Выборгский МР	195,4	9,65	64,6	14,47	11,90	12,08	10,30	118,0	97,0
Гатчинский МР	261,9	12,94	59,2	11,03	11,19	11,21	12,30	77,1	97,5
Кингисеппский МР	83,8	4,14	70,0	6,68	8,69	7,79	8,29	141,3	208,2
Киришский МР	59,9	2,96	88,3	7,16	4,83	4,50	3,99	185,4	121,2
Кировский МР	108,5	5,36	89,4	5,78	5,35	4,94	5,48	93,5	95,4
Лодейнопольский МР	27,5	1,36	71,1	1,48	1,04	1,02	1,00	82,1	66,8
Ломоносовский МР	85,3	4,22	23,1	5,10	5,75	5,83	6,05	121,8	138,7
Лужский МР	75,3	3,72	53,6	3,44	2,65	2,53	2,45	74,4	65,7
Подпорожский МР	25,5	1,26	89,5	1,77	1,03	1,01	1,05	94,7	72,1
Приозерский МР	57,0	2,82	39,3	3,12	2,47	2,36	2,27	83,2	69,8
Сланцевский МР	45,2	2,23	75,5	1,67	1,37	1,35	1,39	64,2	60,9
Тихвинский МР	66,3	3,27	81,9	4,41	4,91	4,27	3,57	104,1	96,3
Тосненский МР	133,1	6,58	65,9	6,27	6,44	6,23	5,87	82,3	88,2
Сосновоборский ГО	64,1	3,17	100,0	7,78	7,22	6,92	6,00	194,5	165,7
<i>Всего</i>	2023,8	100,0	67,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные БД ПМО Росстата и расчеты автора на их основе.

В Ленинградской области масштабы межмуниципальных различий по душевым доходам за период 2012—2021 гг. не претерпели кардинальных изменений (табл. 2), но позиции отдельных муниципалитетов поменялись, при этом у 11 их относительное положение ухудшилось и только у 6 — улучшилось. Ключевое место по масштабу экономики в области в последние годы занимает Всеволожский МР, численность населения которого с начала 2012 г. и до конца 2022 г. выросла более чем в 2 раза (в этом пригороде Санкт-Петербурга есть станция метро, и это стабильный лидер по объему жилищного строительства в области с максимальной долей в его общеобластных объемах в 69 % в 2017 г.). Но душевой показатель доходов у Всеволожского МР лишь немного выше среднеобластного уровня (в силу маятниковой миграции и отсутствия наиболее высокодоходных производств). Немного сократился отрыв по душевым доходам Сосновоборского ГО, на первом месте его заменил Кингисеппский МР с целым рядом крупных промышленных предприятий и портовым хозяйством Усть-Луги. В целом позиции муниципалитетов определяются специализацией их производств¹ и могут год от года меняться в силу

¹ Моногорода и муниципальные районы Ленинградской области, *Инвестиционный портал Ленинградской области*, URL: https://lenoblinvest.ru/o-regione/monogoroda_i_rajony/ (дата обращения: 19.07.2023).

изменения конъюнктуры в той или иной отрасли. Примечательно ухудшение позиций в наибольшей степени ориентированного на приграничные связи с Финляндией Выборгского МР, причем именно с 2014 г. и, наоборот, резкий рост доходов в основном сельскохозяйственном районе области — Волосовском. Произошел этот рост только в 2021 г., при этом в абсолютном выражении доходы увеличились почти в 2,4 раза, скорее всего, за счет реализации в районе крупных промышленных инвестпроектов. Влияние «ковидного» кризиса на муниципалитеты Ленобласти вообще не прослеживается. Абсолютные объемы доходов почти повсеместно росли, падение (причем речь о фактических ценах) имело место в 2021 г. в Выборгском МР (на 2 %) и два года подряд в Тихвинском МР (на 1,5 % в 2020 г. и почти на 4 % в 2021 г.).

Более «чувствительным» к изменениям экономической ситуации, как уже было сказано, является показатель выручки компаний, данные по которой есть и за 2022 г. (табл. 3, 4). Если сравнивать два кризиса — «ковидный» 2020 г. и «санкционный» 2022 г., то оказывается, что в Калининградской области в целом падение выручки было только в 2022 г., тогда как в Ленинградской — только в 2020 г. Общим для обоих регионов было то, что экономическая динамика по разным муниципалитетам во все годы была разнонаправленной и часто нестабильной (отчасти это может объясняться и неравномерностью распределения выручки по годам при относительно стабильном производстве).

Таблица 3

**Выручка компаний всех отраслей по муниципальным образованиям
Калининградской области**

Муниципальное образование	Доля в общем объеме выручки по области, %				Динамика по отношению к предыдущему году, %			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Калининград	68,02	72,01	74,38	66,24	111,4	127,2	147,6	68,1
Багратионовский МО	0,88	0,90	0,65	0,84	121,1	123,2	102,5	99,4
Балтийский ГО	0,42	0,35	0,26	0,23	90,8	100,5	106,2	65,5
Гвардейский МО	0,87	0,91	0,53	0,78	115,6	125,5	82,5	113,0
Гурьевский МО	9,86	5,96	4,65	6,46	162,6	72,6	111,6	106,2
Гусевский ГО	0,53	0,44	0,40	0,57	66,1	99,4	132,3	107,1
Зеленоградский МО	1,66	1,34	1,12	1,57	109,2	97,0	119,8	93,7
Краснознаменский МО	0,08	0,05	0,05	0,05	109,3	76,7	129,0	76,1
Ладушкинский ГО	0,07	0,06	0,04	0,06	99,3	99,2	87,4	135,2
Мамоновский ГО	0,16	0,09	0,04	0,05	133,0	68,9	66,5	82,0
Неманский МО	0,16	0,16	0,09	0,17	148,7	120,4	85,7	142,2
Нестеровский МО	0,17	0,16	0,09	0,10	110,5	114,3	82,0	82,7
Озерский МО	0,11	0,14	0,10	0,11	117,0	149,0	97,1	86,0
Пионерский ГО	0,28	0,23	0,18	0,18	109,9	98,6	112,4	78,0
Полесский МО	0,29	0,29	0,28	0,49	89,3	120,0	138,1	134,9
Правдинский МО	0,56	0,58	0,62	1,23	83,3	123,5	152,8	152,0
Светловский ГО	11,07	12,15	13,17	16,73	90,0	131,9	154,8	97,2
Светлогорский ГО	0,44	0,36	0,33	0,51	106,3	97,8	131,2	119,8
Славский МО	0,29	0,25	0,24	0,32	133,4	103,1	141,1	99,7
Советский ГО	1,84	1,57	1,31	1,69	113,7	102,8	119,0	99,1
Черняховский МО	2,00	1,81	1,30	1,59	109,3	108,6	102,9	93,3
Янтарный ГО	0,25	0,19	0,17	0,24	108,6	91,6	126,4	105,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	111,3	120,1	142,9	76,5

Источник: расчеты автора по данным «СПАРК-Интерфакс»¹.

¹ Статистика, СПАРК-Интерфакс, URL: <https://spark-interfax.ru/statistics> (дата обращения: 16.07.2023).

В Калининградской области по выручке Калининград играет ведущую роль во всех сферах экономики с долей более 50 %, за исключением сельского хозяйства. Это связано как с традиционным сосредоточением в административном центре региона сферы услуг (как бюджетных учреждений социальной сферы, так и коммерческого сектора), регистрацией в городе компаний, работающих и за его пределами (на Калининград приходится в разные годы около 75—80 % выручки по добыче полезных ископаемых — это шельфовая добыча нефти «ЛУКойла», более 90 % выручки по рыболовству и рыбоводству, вся выручка по финансовой и страховой деятельности), так и с наличием ряда крупных промышленных предприятий (одной из крупнейших компаний области — автосборочного предприятия «Автотор», Калининградской ТЭЦ-2 — доля Калининграда в выручке по энергетике составляет 85—90 %). Специализация на автопроме стала одним из факторов значимого падения выручки в 2022 г. в обрабатывающих производствах — более чем на 50 %.

Структура выручки по муниципальным образованиям заметно различается, отражая их специфику, и нестабильна по годам. Лидером по доле сельского хозяйства в выручке является Озерский МО, где она в 2020—2021 гг. превышала 75 %; выше 50 % в отдельные годы показатель был в Нестеровском, Полесском, Правдинском, Славском МО. Добыча полезных ископаемых в структуре выручки играет значимую роль только в Янтарном ГО, где ведется добыча янтаря. Обрабатывающие производства наибольшую долю (более $\frac{2}{3}$ выручки) занимают в Багратионовском МО и Советском ГО, минимальную (в последние три года порядка 2 %) — в Янтарном, немного выше показатель (6,3—6,4 % в 2022 г.) — в Краснознаменском и Озерском МО. Наибольшая роль выручки по разделу «Транспортировка и хранение» ожидаемо характерна для Балтийского ГО (20—25 %), выделяются также Ладушкинский ГО и Черняховский МО (в 2022 г. — 15—16 %). Наихудшая ситуация в Балтийском ГО по динамике выручки в 2022 г. связана с ее падением как по названному сектору (почти на 50 %), так и в обрабатывающей промышленности — почти на 70 % (основным производственным предприятием муниципалитета является судоремонтный завод), доля этого вида деятельности в выручке в Балтийском ГО и так сокращалась — с 45 % в 2018 г. до 39 % в 2021 г., но в 2022 г. кардинально — до 18 %.

Особенностью Калининградской области стал резкий рост в 2020 г. доли в выручке раздела «Финансы и страхование» — до 16,0 %, в 2021 г. показатель составил 25,5 %, в 2022 г. — 14,2 %, что связано, по всей видимости, с активизацией роли созданного в 2018 г. в области Специального административного района (САР) на о. Октябрьский, входящего в состав Калининграда. В самом Калининграде доля этого вида деятельности в выручке в 2020 и 2022 гг. была около 22 %, что в полной мере компенсировало четырехпроцентное падение в обрабатывающей промышленности в «ковидный» год и смягчило спад производства в «санкционный». Другой похожий пример, но уже локального значения — постепенное возрастание в Зеленоградском МО доли в выручке раздела «Культура и спорт» — с 16,3 % в 2018 г. до 34,5 % в 2022 г.; именно в этом районе создана одна из четырех российских игорных зон.

В целом по Калининградской области появление САР, дополненное проблемами 2022 г. (усугубленными на общероссийском фоне эксклавым положением региона), привело к постепенному падению доли в выручке обрабатывающих производств — с 40 % в 2018 г. до 26,5 % в 2022 г. В последний год заметно — сразу на 10 п. п. — выросла доля торговли — до 33,4 % (правда, показатель 2021 г. был минимальным за рассматриваемые пять лет).

В Калининградской области доли муниципалитетов в общей по региону выручке примерно соответствуют их долям в доходах (табл. 1, 3), в Ленинградской

области расхождения гораздо заметнее (табл. 2, 4), что, скорее всего, является следствием разнообразия в специализации территорий: при наличии высокодоходных, связанных преимущественно с сырьевыми отраслями предприятий доля муниципалитета в выручке заметно превышает долю в доходах населения, при доминировании низкодоходных — наоборот. Так, в Кингисеппском МР (с наиболее высоким уровнем душевых доходов населения и при этом занимающем 4 место в области по доле в доходах и 2 место по выручке) крупнейшие по выручке компании — «НО-ВАТЭК-Усть-Луга», «Фосфорит», «Усть-Луга Ойл», «Еврохим СЗ»; в Ломоносовском МР крупнейшей является табачная «Филип Моррис Ижора».

Таблица 4

**Выручка компаний всех отраслей
по муниципальным образованиям Ленинградской области**

Муниципальное образование	Доля в общем объеме выручки по области, %				Динамика по отношению к предыдущему году, %			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Бокситогорский МР	1,43	1,45	1,11	0,36	101,7	94,0	91,9	36,2
Волосовский МР	0,61	0,78	0,72	0,71	115,8	118,5	111,9	109,4
Волховский МР	1,18	1,33	1,10	0,75	85,4	104,0	99,5	76,2
Всеволожский МР	23,30	25,18	24,10	24,26	96,4	99,9	114,8	112,0
Выборгский МР	7,39	7,48	7,66	7,87	104,2	93,7	122,7	114,4
Гатчинский МР	11,74	11,58	12,20	14,32	119,9	91,2	126,4	130,6
Кингисеппский МР	15,37	13,06	18,22	19,91	103,1	78,6	167,2	121,6
Киришский МР	4,22	4,29	2,60	2,68	76,5	94,0	72,8	114,6
Кировский МР	5,22	5,66	5,18	4,89	100,3	100,4	109,7	105,0
Лодейнопольский МР	0,24	0,28	0,30	0,27	99,6	109,2	128,2	100,9
Ломоносовский МР	12,54	14,27	14,01	12,46	102,8	105,3	117,7	99,0
Лужский МР	1,07	1,26	0,82	0,87	98,5	109,7	78,0	117,3
Подпорожский МР	0,55	0,53	0,62	0,27	110,9	88,6	140,3	48,1
Приозерский МР	1,36	1,23	1,25	1,37	98,0	83,6	121,4	122,3
Сланцевский МР	0,68	0,84	0,98	1,17	89,0	114,6	140,0	131,9
Тихвинский МР	4,68	3,96	3,52	2,25	112,2	78,2	106,5	71,1
Тосненский МР	6,40	4,72	4,15	4,36	91,4	68,1	105,4	117,1
Сосновоборский ГО	2,02	2,09	1,45	1,23	114,5	96,1	82,9	94,4
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,9	92,5	119,9	111,3

Источник: расчеты автора по данным «СПАРК-Интерфакс»¹.

Ленинградская область, по сравнению с Калининградской, более промышленная, здесь доля обрабатывающих производств в выручке была около 48—50 % в 2018—2021 гг. и немного снизилась — до 47 % — в 2022 г. Лидерами по этому показателю являются Тихвинский МР (крупнейшее предприятие — «Тихвинский вагоностроительный завод»), здесь доля обрабатывающих производств даже на фоне заметного спада осталась в 2022 г. выше 80 % (а до этого достигала 85,5 %); еще выше — на уровне 88—89 % — в 2020—2021 гг. показатель был в Бокситогорском МР, где находится хорошо известный моногород Пикалёво, но сократился в 2022 г. до 63 %. До 77—78 % в последние два года доля обрабатывающих производств в выручке выросла в Кингисеппском МР, на уровне около 65 % стабильно находится в Ломоносовском МР.

Роль добычи полезных ископаемых в Ленинградской области, как и в Калининградской, невелика, значима только для Приозерского МР (увеличившись с 32 % в 2020—2021 гг. до 41 % в 2022 г.) — здесь есть ресурсы для промышленности

¹ Статистика, СПАРК-Интерфакс, URL: <https://spark-interfax.ru/statistics> (дата обращения: 16.07.2023).

стройматериалов, выделяется также Подпорожский МР (6 и 17% в те же годы). Доля обрабатывающих производств в Приозерском МР минимальна — менее 10% в 2022 г. при 14—17% в предшествующие четыре года.

Можно также отметить, что в обоих регионах — и Калининградской, и Ленинградской областях — в число муниципалитетов с наибольшим падением выручки (и в «ковидном» 2020 г., и в «санкционном» 2022 г.) попали наиболее периферийные, с пониженным уровнем экономического развития Краснознаменский МР и Подпорожский МР.

Для оценки роли малого бизнеса в экономике муниципалитетов (табл. 5, 6) мы, как было сказано выше, совмещаем данные Росстата по крупным и средним организациям и налоговой отчетности; при этом надо делать поправку на то, что доля малого бизнеса в фонде оплаты труда будет несколько заниженной из-за невозможности учитывать личные доходы ИП, использующих специальные налоговые режимы, но, как видно из приводимых данных, доля таких ИП в общей занятости невелика — в среднем 6—7%, максимум по отдельным муниципалитетам — менее 10%.

Таблица 5

**Оценка роли малого бизнеса
в экономике муниципальных образований Калининградской области**

Муниципальное образование	Доля малого бизнеса в занятости*, %		Доля малого бизнеса в фонде оплаты труда*, %		Доля ИП, использующих специальные налоговые режимы, в занятости, %		Отношение доходов ИП, использующих специальные налоговые режимы, к сумме этих доходов и выручки компаний, %	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Калининград	58,6	57,3	31,0	28,7	6,4	7,0	5,1	8,0
Багратионовский МО	61,1	59,6	31,5	29,2	5,1	4,9	11,8	11,7
Балтийский ГО	30,7	32,9	3,8	5,6	4,6	5,1	20,0	26,5
Гвардейский МО	66,7	69,5	42,4	42,3	4,8	5,3	12,5	13,3
Гурьевский МО	70,0	72,8	39,4	41,5	8,2	7,7	12,6	12,7
Гусевский ГО	49,8	52,6	26,2	26,3	5,5	4,8	12,6	15,5
Зеленоградский МО	66,8	65,5	35,9	33,5	7,6	8,2	15,7	18,8
Краснознаменский МО	68,3	64,7	39,3	21,7	6,9	6,6	20,4	28,6
Ладужинский ГО	69,2	72,4	42,6	46,0	8,3	7,1	15,9	13,7
Мамоновский ГО	64,9	64,1	39,6	41,7	8,0	8,5	22,7	36,4
Неманский МО	59,7	60,5	27,9	25,9	6,5	6,4	23,3	23,9
Нестеровский МО	60,2	59,6	30,0	29,7	4,5	4,4	23,5	28,5
Озерский МО	51,2	52,9	20,3	21,8	4,1	3,7	15,9	17,0
Пионерский ГО	51,7	53,6	17,3	18,9	6,9	7,2	20,1	31,0
Полесский МО	70,4	69,7	52,5	50,3	6,0	6,0	12,1	10,9
Правдинский МО	46,9	42,5	2,4	<0	5,9	5,5	6,4	4,9
Светловский ГО	59,8	61,7	29,6	27,4	3,5	3,5	0,8	0,9
Светлогорский ГО	62,2	65,1	28,8	29,4	7,5	8,0	24,6	23,4
Славский МО	61,0	63,0	37,9	39,2	5,7	5,7	12,5	14,7
Советский ГО	53,3	55,0	24,8	24,4	6,0	5,6	7,2	7,4
Черняховский МО	63,5	64,3	43,7	41,0	5,8	5,6	6,7	8,9
Янтарный ГО	51,4	55,5	14,4	21,3	3,5	7,2	11,3	14,6
<i>Всего</i>	59,2	59,1	31,1	29,5	6,3	6,7	5,5	7,8

Примечание: * Малый бизнес определен условно — по разнице между данными ФНС по всем налогоплательщикам и данными Росстата по крупным и средним предприятиям.

Источник: расчеты автора по данным БД ПМО Росстата и ФНС.

Таблица 6

**Оценка роли малого бизнеса в экономике
муниципальных образований Ленинградской области, данные 2022 г.**

Муниципальное образование	Доля малого бизнеса* в занятости, %	Доля малого бизнеса* в фонде оплаты труда, %	Доля ИП, использующих специальные налоговые режимы, в занятости, %	Отношение доходов ИП, использующих специальные налоговые режимы, к сумме этих доходов и выручки компаний, %
Бокситогорский МР	48,3	19,0	4,3	31,8
Волосовский МР	58,8	29,6	6,1	20,6
Волховский МР	47,1	18,9	3,9	21,2
Всеволожский МР	65,8	33,6	6,8	12,2
Выборгский МР	52,6	21,7	5,8	7,9
Гатчинский МР	47,7	7,0	6,7	7,3
Кингисеппский МР	60,2	21,6	3,6	1,6
Киришский МР	41,2	15,9	4,2	5,8
Кировский МР	52,7	15,9	9,8	8,2
Лодейнопольский МР	53,4	29,1	5,7	22,8
Ломоносовский МР	61,6	28,0	4,8	4,1
Лужский МР	58,5	45,4	6,0	20,1
Подпорожский МР	64,1	42,3	5,0	23,9
Приозерский МР	57,6	30,2	5,1	14,4
Сланцевский МР	66,6	21,9	4,9	12,6
Тихвинский МР	43,2	15,3	4,4	8,9
Тосненский МР	54,7	26,8	4,7	8,3
Сосновоборский ГО	52,0	5,9	2,4	15,2
<i>Всего</i>	56,1	22,8	5,6	8,1

Примечание: * Малый бизнес определен условно — по разнице между данными ФНС по всем налогоплательщикам и данными Росстата по крупным и средним предприятиям.

Источник: расчеты автора по данным БД ПМО Росстата и ФНС.

На основе полученных результатов можно сделать ряд выводов. Прежде всего об учете в муниципальной статистике Росстата по крупным и средним организациям заведомо меньше половины занятых, что расходится с существующими оценками роли малого бизнеса в российской экономике (впрочем, тоже неоднозначными). В этом случае погрешности статистики связаны именно с Росстатом, поскольку численность занятых на основе данных ФНС близка к показателям, которые публикуются по рассматриваемым областям как субъектам РФ. При этом данные Росстата, очевидно, отражают занятость в бюджетном секторе, например в Балтийском ГО (это база Военно-морского флота России) на раздел «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» в 2019—2022 гг. приходилось 51—52 % занятых на крупных и средних предприятиях. В Калининграде на этот же раздел приходится около 16 % занятых, на образование и здравоохранение — по 12—13 %. В Ленинградской области в целом рассчитанную нами повышенную, по сравнению с Ленинградской, долю занятых в малом бизнесе можно объяснить более высокой долей сферы услуг. При сравнении муниципалитетов можно исходить из предположения, что качество статистики Росстата по ним примерно одинаковое.

По статистике существует большой перекося между ролью малого бизнеса в занятости и фонде оплаты труда (данные по занятости и фонду оплаты труда сопоставимы, поскольку публикуются по одному кругу предприятий). Причем в Ле-

нинградской области этот перекоп является более значимым и, очевидно, не списываемым на недоучет доходов ИП, использующих специальные налоговые режимы. Объяснений подобного рода ситуации может быть два. Первое — масштабный теневой сектор именно в малом бизнесе. Второе — заметно более низкие доходы в малом бизнесе, что может быть свидетельством того, что малый бизнес в России — это не столько прогрессивный сектор экономики, сколько способ выживания там, где нет других рабочих мест. Скорее всего, на практике имеет место сочетание двух названных обстоятельств.

Однозначные закономерности в дифференциации муниципалитетов по роли малого бизнеса в их экономике выделить довольно сложно, возможны разные варианты (скорее всего, в силу различий в характере малого бизнеса). Так, в муниципалитетах с повышенным уровнем экономического развития роль малого бизнеса может быть как повышенной, так и пониженной. Повышенной, по всей видимости, когда малый бизнес развивается, имея спрос на свою деятельность, пониженной — когда не остается большого числа свободных рук из-за высокой доли занятости в крупных организациях (или в силу специфики их деятельности, далекой от бизнеса, как, скорее всего, в случае Балтийского или Сосновоборского ГО). Аналогично складывается ситуация и с муниципалитетами с пониженным уровнем экономического развития. В них роль малого бизнеса может быть повышенной, если он выполняет определенную компенсационную роль, давая рабочие места в отсутствие крупных благополучных предприятий. Пониженной — когда низкий уровень доходов местного населения не позволяет развиваться рассчитанному на обслуживание этого населения бизнесу.

Сказанное подтверждается и соотношением динамики выручки и доходов ИП — есть данные по доходам ИП, использующих «упрощенку», по Калининградской области. В целом по области доходы таких ИП за период 2019—2022 гг. росли более быстрыми темпами, чем выручка, рост был и в 2022 г., то есть имела место стабилизирующая роль малого бизнеса. Но по отдельным муниципалитетам ситуация была разной — если, например, в Калининграде тоже был рост доходов ИП в 2022 г., то в Балтийском ГО наблюдался максимальный среди всех муниципалитетов спад (более чем на 15 %).

Неоднозначна и ситуация с зависимостью развития малого бизнеса от соотношения городов и сельской местности. С одной стороны, Калининград как «столица» региона отнюдь не выделяется на фоне других муниципалитетов по роли малого бизнеса, с другой — эта роль повышена в основных пригородных муниципалитетах обеих областей (Гурьевском МО и Всеволожском МР). В Калининградской области повышенная доля ИП в занятых характерна все-таки для городских округов, а в Ленинградской — для пригородных муниципалитетов: не только Всеволожского, но и даже в большей степени Кировского, а также Гатчинского.

Выводы

Проведенное нами исследование показывает, что на сегодняшний день возможности для оценки экономического развития муниципальных образований не столь уж малые данные бухгалтерской, налоговой отчетности могут предоставить значительный пласт информации в дополнение к данным Росстата. Другое дело, что самими федеральными ведомствами данные налоговой отчетности никак не обобщаются, и исследователям приходится решать весьма трудоемкую задачу их агрегирования. Позитивные подвижки в данном направлении происходят — Росстат стал публиковать данные бухгалтерской отчетности, ФНС начала рассчитывать интегральные данные по муниципальным районам (по крайней мере в Ленинград-

ской области), хотя пока они есть в очень ограниченных объемах и далеко не по всем важным показателям. Соответственно, необходимо дальнейшее продвижение в этом направлении, в том числе и в интересах самих органов государственной власти, поскольку агрегирование и обобщение данных из разнообразных источников информации позволит по меньшей мере повысить ее достоверность.

С практической точки зрения расширение возможностей для анализа экономического развития муниципалитетов станет информационной основой как для федеральной политики пространственного развития (о необходимости этого говорилось в [1]), так и для пространственной политики региональных органов власти. Как было показано в [42], на сегодняшний день в принятых в субъектах РФ стратегиях их социально-экономического развития пространственной проблематике внимание уделяется, однако преимущественно с точки зрения обеспечения интересов развития регионов в целом, а не отдельных их муниципалитетов.

Проведенный нами анализ подтвердил, что учет специфики отдельно взятых муниципалитетов в государственной экономической политике необходим, поскольку динамика их развития неравномерна, проявления кризиса часто носят локальный характер. Кроме того, анализ ситуации на уровне муниципалитетов позволяет лучше понять ряд закономерностей экономического развития, в частности в отношении малого бизнеса.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

The research is done under the grant of the Russian Science Foundation (project № 23-18-00180 “Multivariaty of determinants and trends of economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification and typologization in the interests of state regulation of spatial development”) in the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Список литературы

1. Кузнецова, О. В. 2022, Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России, *Региональные исследования*, № 2, с. 16—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>
2. Кузнецова, О. В., Бабкин, Р. А. 2021, Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития, *Федерализм*, № 4, с. 35—53, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-35-53>
3. Кузнецова, О. В. 2022, Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды, *Регион: экономика и социология*, № 2, с. 33—57, <https://doi.org/10.15372/REG20220202>
4. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, *Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика*, Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта. EDN: DUBKAW
5. Космачева, Н. М. (ред.). 2018, *Вопросы управления социально-экономическим развитием Ленинградской области*, СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина. EDN: YNTFGP
6. Бугаев, М. А. 2015, Маятниковые миграции на рынке труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, № 4, с. 86—116. EDN: VJIOJD
7. Дегусарова, В. С., Мартынов, В. Л., Сазонова, И. Е. 2018, Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга, *Балтийский регион*, т. 10, № 3, с. 19—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>

8. Житин, Д. В. 2021, Социальная дифференциация в пригородной зоне Санкт-Петербурга, *Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз, Материалы международной конференции*, с. 440—449. EDN: EHLLHK
9. Житин, Д. В. 2022, Особенности развития территории различного функционального типа в Санкт-Петербургской городской агломерации, *Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования*, Материалы международной конференции, с. 546—552. EDN: DQGNKO
10. Олифир, Д. И. 2023, Пространственная дифференциация социально-экономического развития Санкт-Петербургской агломерации, *Проблемы прогнозирования*, № 1, с. 65—77, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-65-77>
11. Овсипян, М. В. 2018, Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации, *Проблемы развития территории*, № 4 (96), с. 72—86, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.5>
12. Кузнецов, С. В., Лосин, Л. А. (ред.). 2022, *Санкт-Петербургская агломерация: этапы формирования и перспективы развития*, СПб. : ГУАП. EDN: UJKKCI
13. Дружинин, А. Г., Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. 2018, Экономическая и сельтебная динамика поселений Ленинградской области: влияние факторов трансграничной кластеризации, *Известия Русского географического общества*, т. 150, № 3, с. 12—27. EDN: XNGLXV
14. Кузнецов, С. В., Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. 2017, Экономическая динамика городских поселений Ленинградской области, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 3-4, с. 76—85. EDN: XQZHOX
15. Анохин, А. А., Шелест, К. Д., Тихонова, М. А. 2019, Тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа, *Балтийский регион*, т. 11, № 4, с. 36—57, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-3>
16. Гуменюк, И. С., Юстратова, В. О. 2021, Трансформация системы расселения в Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 31—41. EDN: JPDFQE
17. Кузнецова, Т. Ю. 2016, Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 15—27. EDN: VXCYIV
18. Кузнецова, Т. Ю., Сибирева, Н. И. 2020, Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, с. 43—55. EDN: EKZTFG
19. Межевич, Н. М., Олифир, Д. И. 2023, Сравнительный анализ территориального опорного каркаса расселения в приморских регионах (на примере Санкт-Петербургского региона и Калининградской области), *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 23—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-2>
20. Старкова, Н. В. 2007, Особенности демографического развития районов Ленинградской области, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География*, вып. 7, с. 87—97. EDN: RTTJSR
21. Федоров, Г. М. (ред.). 2022, *Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации*, Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта. EDN: XZXPWR
22. Морачевская, К. А., Лыжина, Е. А. 2021, Территориально-отраслевая структура сельского хозяйства и производства продуктов питания в Ленинградской области в 2010-х гг., *Известия Русского географического общества*, т. 153, № 2, с. 30—45, <https://doi.org/10.31857/S0869607121020051>
23. Кропинова, Е. Г., Митрофанова, А. В. 2022, Актуализация подходов к районированию и зонированию туристских территорий для целей пространственного планирования и проектирования туристской деятельности, *Географический вестник*, № 4, с. 135—148, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-135-148>
24. Дружинин, А. Г., Лачининский, С. С. 2015, «Приморский фактор» в социально-экономическом развитии территории (на материалах Кингисеппского муниципального района Ленинградской области), *Янтарный мост. Журнал региональных исследований*, № 3, с. 22—45. EDN: UTEGLJ

25. Дружинин, А. Г., Лялина, А. В. 2020, Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6, № 2, с. 20—35. EDN: LPVNGG
26. Дружинин, А. Г. (ред.). 2018, *Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации*, М. : «ИНФРА-М». EDN: YASJUT
27. Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю., Разумовский, В. М. 2017, Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области, *Известия Русского географического общества*, т. 149, № 3, с. 15—31. EDN: YSLLEV
28. Лачининский, С. С., Шендрик, А. В., Васильева, В. А. 2020, Судостроительная отрасль в Северо-Западном федеральном округе: факторы и приоритеты развития, особенности локализации, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2—3, с. 134—140. EDN: BEPALZ
29. Федоров, Г. М., Киндер, С., Кузнецова, Т. Ю. 2021, О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 129—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
30. Лялина, А. В. 2020, Внутрорегиональная дифференциация Калининградской области по уровню жизни: тенденции и проблемы, Балтийский регион — регион сотрудничества. *Регионы в условиях глобальных изменений*, Международная конференция, с. 281—295. EDN: XINNCK
31. Сабурин, А. А. 2021, Социально-экономическое развитие сельских территорий юго-востока Калининградской области, *Проблемы региональной экологии*, № 6, с. 79—84, <https://doi.org/10.24412/1728-323X-2021-6-79-84>
32. Сабурин, А. А. 2021, Специфика экономического развития юго-востока Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 16—24. EDN: YUCHRV
33. Свириденко, М. В. 2015, Проблемы модернизации экономики муниципальных образований Ленинградской области с монопрофильной структурой хозяйства, *Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики*, № 4, с. 58—64. EDN: SVDWUG
34. Михайлова, А. А. 2021, О факторах цифровизации экономики муниципалитетов на примере Калининградской области, Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз, Материалы международной конференции, с. 731—736. EDN: QEPIRQ
35. Михайлова, А. А. 2021, Роль цифровых инноваций в развитии сельских территорий, *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика*, Материалы международной конференции, с. 141—151. EDN: AADSLY
36. Кузнецова, О. В. 2023, Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России, *Региональные исследования*, № 1, с. 19—30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>
37. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
38. Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Мыслякова, Ю. Г., Глухих, П. Л. 2018, Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения, *Балтийский регион*, т. 10, № 1, с. 19—36, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-2>
39. Дмитриев, М. Э., Чистяков, П. А., Ромашина, А. А. 2020, Апробация методологии оценки муниципальной валовой добавленной стоимости, *Проблемы прогнозирования*, № 1, с. 49—59. EDN: LVZELZ
40. Гуменюк, И. С. 2022, К вопросу о динамике экономической активности и ее влиянии на бюджетную устойчивость муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 44—56. EDN: GEJDDR

41. Ланская, Т. М. 2017, Неравномерное развитие административно-территориальных образований как угроза экономической безопасности Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 3, с. 37–45. EDN: YLJERQ

42. Суворова, А. В. 2020, Модели пространственной организации социально-экономических систем: опыт региональных стратегий развития, *Экономика и управление*, т. 26, № 10, с. 1092–1101, <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1092-1101>

Об авторе

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA'S BALTIC REGIONS IN THE MUNICIPAL CONTEXT

O. V. Kuznetsova

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Received 09 August 2023

Accepted 11 October 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8

© Kuznetsova, O. V., 2023

This article analyses the differentiation of municipalities at the municipal and urban district levels in the Kaliningrad and Leningrad regions based on their economic development and the response of their economies to the crises of 2020 and 2022. Emphasis is placed on the possibilities of conducting such assessments by merging Rosstat statistics with publicly available accounting and tax reporting data from the Federal Tax Service. The contribution also assesses the role of small businesses in municipal economies and their effect on employment, income levels of the population, and business activities. It is shown that over the ten years from 2012 to 2021, municipalities in the Kaliningrad region became more homogeneous in terms of the level of taxable income for individuals and individual entrepreneurs. In contrast, in the Leningrad Region, the level of differentiation remained unchanged, albeit with diverse income trends across municipalities.

The study highlights municipalities' specialization as a factor influencing changes in local companies' revenue, particularly in 2022. The research illustrates that small businesses have a significantly smaller impact on the official income of the population compared to their role in employment. Furthermore, there are no discernible patterns in how municipalities differentiate based on the contribution of small businesses, as this can vary depending on the local economic development level and the ratio of urban to rural population. In particular, the decline of small businesses is noticeable in regions with high incomes and abundant employment

To cite this article: Kuznetsova, O. V. 2023, The modern economy of Russia's Baltic regions in the municipal context, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 142–164. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8

opportunities at large organizations. This trend is also observed in economically challenged peripheral areas characterized by low demand for the products and services provided by small businesses.

Keywords:

municipalities, Kaliningrad region, Leningrad region, Rosstat statistics, accounting, tax reporting, state policy

References

1. Kuznetsova, O. V. 2022, Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia, *Regional Research*, № 2, p. 16—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2> (in Russ.).
2. Kuznetsova, O. V., Babkin, R. A. 2021, Typology of Municipalities to Monitor Their Socio-Economic Development, *Federalism*, № 4, p. 35—53, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-35-53> (in Russ.).
3. Kuznetsova, O. V. 2022, Location of the largest pharmaceutical companies in Russia: contribution to regional divergence or convergence?, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 2, p. 124—132, <https://doi.org/10.15372/REG20220202>
4. Fedorov, G. M. (ed.). 2021, *Challenges and prospects for the development of the Kaliningrad region: geopolitics and geoeconomics*, Kaliningrad : IKBFU. EDN: DUBKAW(in Russ.).
5. Kosmacheva, N. M. (ed.). 2018, *Issues of managing socio-economic development of the Leningrad region*, St. Petersburg : Pushkin Leningrad State University. EDN: YNTFGP
6. Bugaev, M. A. 2015, Labor commuting in the labor market of Saint-Petersburg and Leningrad region, *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, № 4, p. 86—116. EDN: VJIOJD (in Russ.).
7. Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2018, Geodemography of the Saint Petersburg suburbs, *Baltic region*, vol. 10, № 3, p. 19—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>
8. Zhitin, D. V. 2021, Social differentiation in the suburban area Saint Petersburg, In: Druzhinin, A. G., Sidorov, V. P. (eds.), *The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast*, Izhevsk : Publishing Center «Udmurt University», p. 440—449. EDN: EHLLHK (in Russ.).
9. Zhitin, D. V. 2022, Features of the development of territories of various functional types within the St. Petersburg urban agglomeration, In: Dirin, D. A., Druzhinin, A. G. (eds.), *Trends in the spatial development of modern Russia and priorities of its regulation*, Proceedings of the international scientific conference, p. 546—552. EDN: DQGNKO (in Russ.).
10. Olifir, D. I. 2023, Spatial Differentiation of Socio-Economic Development of the St. Petersburg Agglomeration, *Studies on Russian Economic Development*, № 1, p. 65—77, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-65-77> (in Russ.).
11. Ovsipyan, M. V. 2018, Saint Petersburg agglomeration: problems of development, *Problems of Territory's Development*, № 4 (96), p. 72—86, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.5>
12. Kuznetsov, S. V., Losin, L. A. (ed.). 2022, *St. Petersburg agglomeration: stages of formation and development prospects*, St. Petersburg: GUAP. EDN: UJKKCI (in Russ.).
13. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. 2018, The economic and residential dynamics of settlements of the Leningrad region: influence of factors of a cross-border clustering, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 150, № 3, p. 12—27. EDN: XNGLXV (in Russ.).
14. Kuznetsov, S. V., Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. 2017, The economic dynamics of urban settlements in the Leningrad region in 2011—2016 years, *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 3-4, p. 76—85. EDN: XQZHOX (in Russ.).
15. Anokhin, A. A., Shelest, K. D., Tikhonova, M. A. 2019, Trends in population change and the sustainable socio-economic development of cities in North-West Russia, *Baltic region*, vol. 11, № 4, p. 36—57, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-3>
16. Gumenyuk, I. S., Yustratova, V. O. 2021, Transformation of the settlement system in the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 31—41. EDN: JPDFQE (in Russ.).

17. Kuznetsova, T. Yu. 2016, Geo-demographic typology of municipalities of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 15—27. EDN: VXCYIB (in Russ.).
18. Kuznetsova, T. Yu., Sibireva, N. I. 2020, Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, № 1, p. 43—55. EDN: EKZTFG (in Russ.).
19. Mezhevich, N. M., Olifir, D. I. 2023, Comparative analysis of the territorial support frame of settlement in coastal areas: the case of St. Petersburg and Kaliningrad regions, *Baltic region*, vol. 15, № 2, p. 23—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-2>
20. Starkova, N. V. 2007, The features of demographic development in the Leningrad region districts, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, № 7, p. 87—97. EDN: RTTJSR (in Russ.).
21. Fedorov, G. M. (ed.). 2022, *Kaliningradskoe selo v nachale XXI veka: proizvodstvo, rasselenie, social'nye innovacii* [Kaliningrad village at the beginning of the XXI century: production, resettlement, social innovations], Kaliningrad : IKBFU Publishing house, 2022. 215 p. EDN: XZXPWR (in Russ.).
22. Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A. 2021, Territorial and sectoral structure of agriculture and food production in the Leningrad region in the 2010s, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 153, № 2, p. 30—45, <https://doi.org/10.31857/S0869607121020051> (in Russ.).
23. Kropinova, E. G., Mitrofanova, A. V. 2022, Updated approaches to zoning and division into tourist districts for the purposes of spatial planning and design of tourist activities, *Geographical Bulletin*, № 4, p. 135—148, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-135-148> (in Russ.).
24. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2015, “Primorsky factor” in the socio-economic development of the territory (based on materials from the Kingisepp municipal district of the Leningrad region), *Jantarnyj most. Zhurnal regional'nyh issledovanij*, № 3, p. 22—45. EDN: UTEGLJ (in Russ.).
25. Druzhinin, A., Lialina, A. 2020, The Russian coastal municipalities: conceptualization, identification, classification, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, № 2, p. 20—35. EDN: LPVNCG (in Russ.).
26. Druzhinin, A. G. (ed.). 2018, *Coastal zones of Russia in the Baltic: Factors, features, prospects and strategies for cross-border clustering*, Moscow : INFRA-M. EDN: YASJUT (in Russ.).
27. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Yu., Razumovskiy, V. M. 2017, The effect of the sea on the economic development and settlement structure in the Kaliningrad Region, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 149, № 3, c. 15—31. EDN: YSLLEV (in Russ.).
28. Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V., Vasilyeva, V. A. 2020, The shipbuilding industry in the Northwestern Federal District: factors and development priorities, features of localization, *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 2—3, p. 134—140. EDN: BEPALZ (in Russ.).
29. Fedorov, G. M., Kinder, S., Kuznetsova, T. Yu. 2021, The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends, *Baltic region*, vol. 13, № 4, p. 129—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
30. Lialina, A. V. 2020, Intraregional disparity of the Kaliningrad region by living standards: trends and problems, In: Mikhailova, A. A. (ed.), *Baltic region — the region of cooperation. Regions in the era of global change: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*, p. 281—295. EDN: XINNCK (in Russ.).
31. Saburina, A. A. 2021, Socio-economic development of rural areas in the southeast of the Kaliningrad region, *Regional environmental issues*, № 6, p. 79—84, <https://doi.org/10.24412/1728-323X-2021-6-79-84>
32. Saburina, A. A. 2021, Specifics of the economic development of the southeast of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 4, p. 16—24. EDN: YYCHRV (in Russ.).
33. Sviridenko, M. V. 2015, Challenges of economic modernization of the Leningrad region municipalities with single industry economy, *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, № 4, p. 58—64. EDN: SVDWUG (in Russ.).

34. Mikhaylova, A. A. 2021, Digitalization factors of the municipal economies on the example of the Kaliningrad region, In: Druzhinin, A. G., Sidorov, V. P. (eds.), *The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast*, Izhevsk: Publishing Center «Udmurt University», p. 731 — 736. EDN: QEPIRQ (in Russ.).
35. Mikhaylova, A. A. 2021, Role of digital innovations in rural development, In: Katrovsky, A. P., Shuvalov, V. E., Aguirrechu, A. A. (eds.), *Socio-economic geography: history, theory, methods, practice*, Smolensk: Smolensk State University, p. 141 — 151. EDN: AADSLY (in Russ.).
36. Kuznetsova, O. V. 2023, New patterns of modern socio-economic development of Russian regions, *Regional Studies*, № 1, p. 19 — 30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2> (in Russ.).
37. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20 — 38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
38. Andreeva, E. L., Ratner, A. V., Myslyakova, Yu. G., Glukhikh, P. L. 2018, The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an impact Assessment, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 19 — 36, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-2>
39. Dmitriev, M. E., Chistyakov, P. A., Romashina, A. A. 2020, Approbation of the methodology for estimating municipal gross value added, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 31, № 1, p. 49 — 59, <https://doi.org/10.1134/S1075700720010050>
40. Gumenyuk, I. S. 2022, On the dynamics of economic activity and its impact on the budgetary stability of municipalities of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 44 — 56. EDN: GEJDDR (in Russ.).
41. Lanskaya, T. M. 2017, Uneven development of administrative-territorial entities as a threat to the economic security of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, № 3, p. 37 — 45. EDN: YLJERQ (in Russ.).
42. Suvorova, A. V. 2020, Spatial Organization Models of Socio-Economic Systems: Experience of Regional Development Strategies, *Economics and Management*, vol. 26, № 10, p. 1092 — 1101, <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1092-1101> (in Russ.).

The author

Prof Olga V. Kuznetsova, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))